

Мягкая сила и публичная дипломатия Китайской Народной Республики

Статья освещает одну из самых значимых и актуальных тем современных международных отношений – мягкую силу и публичную дипломатию в контексте анализа деятельности крупнейшей державы Юго-Восточной Азии – Китайской Народной Республики. Аналитический разбор начинается с теоретического объяснения самой концепции мягкой силы и ее неотъемлемой части – публичной дипломатии. Анализ растущего интереса КНР к мягким подходам в решении внешнеполитических вопросов и взаимодействие с иностранной публикой как стран-партнеров, так и соперников является ядром исследования. Базируясь на методе сравнительного анализа, статья предоставляет полную картину того, как КНР, благодаря своему беспрецедентному экономическому прорыву, применяет потенциал мягкой силы и инструменты культурных ценностей для изменения статус-кво как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, международная дипломатия, мягкая сила, публичная дипломатия, региональный и глобальный уровень действия.

Статья висвітлює одну з найбільш значущих і актуальних тем сучасних міжнародних відносин – м'яку силу й публічну дипломатію в контексті аналізу діяльності найбільшої держави Південно-Східної Азії – Китайської Народної Республіки. Аналітичний розбір починається з теоретичного пояснення самої концепції м'якої сили і її невід'ємної частини – публічної

дипломатії. Аналіз зростаючого інтересу КНР до м'яких підходів у вирішенні зовнішньополітичних питань і взаємодія з іноземною публікою як країн-партнерів, так і суперників є ядром дослідження. Базуючись на методі порівняльного аналізу, стаття подає повну картину того, як КНР завдяки своєму беспрецедентному економічному прориву застосовує потенціал м'якої сили й інструменти культурних цінностей для зміни статус-кво як на регіональному, так і на глобальному рівнях.

Ключові слова: Китайська Народна Республіка, міжнародна дипломатія, м'яка сила, публічна дипломатія, регіональний і глобальний рівень дії.

The article is dedicated to one of the most important and actual subjects of contemporary international relations – soft power and public diplomacy in the context of South-East Asia's greatest nation People's Republic of China. Research starts from theoretical explanation of the concept of soft power and its integral part public diplomacy. The core of the analysis is PRC's rising interest to soft approaches to foreign policy issues and interaction with the audience of both partner and rival states. Based on comparative analysis the article provides thorough picture of how China backed with its unprecedented economic breakthrough applies soft power potential and cultural tools to alter status-quo both at regional and global level.

Key words: People's Republic of China, international diplomacy, soft power, public diplomacy, regional and global level of action.

УДК 323: 327.8

Салимов Эмиль Олег оглу,
диссертант
Бакинского славянского университета

Актуальность проблемы. В начале 90-х гг. прошлого столетия в теории и практике современных международных отношений начали приобретать широкую популярность такие категории, как мягкая сила и публичная дипломатия. Популяризация упомянутых категорий возникла не на пустом месте, ведь у абсолютного большинства из нас сложилось традиционное понимание силы и мощи государства, его способности влиять на других участников международной системы с целью достижения определенных целей.

В рамках стереотипной точки зрения основными показателями силы и мощи того или иного государства являются территория, армия (ее численность, оснащенность современными видами вооружений, способность выполнять поставленные задачи, защищать суверенитет страны от внешних посягательств и т. д.). Вышеперечисленное позволяет любому государству, обладающему этими ресурсами, оказывать давление на других с целью корректировки их поведения на международной арене в соответствии со своими национальными интересами. Это понятие, являясь прямой противоположностью мягкой силы, рассматривается учеными – теоре-

тиками международных отношений как жесткая сила.

Надо отметить, что объективной предпосылкой актуализации категории мягкой силы и ее составляющей – публичной дипломатии – стало окончание холодной войны и последовавшие за ним глобализация и интенсификация интеграционных процессов, усилившие взаимозависимость государств.

Степень исследованности проблемы. На теоретическом уровне термин «мягкая сила» был разработан и прочно вошел в политический лексикон благодаря американскому ученому, профессору Гарвардского Университета Джозефу Наю. Он впервые ввел в оборот это понятие в своей книге «Пределы лидерства: изменение природы американской мощи» (“Bound to Lead: The changing nature of American Power”). Впоследствии он развил данное понятие в своей книге, изданной в 2004 г. под названием «Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике» (“Soft power. The means to Success in World Politics”).

Также надо отметить, что Джозеф Най впервые снискал себе популярность еще в 1977 г. после публикации книги «Власть и независимость.

Мировая политика в развитии», которую написал в соавторстве с Робертом Коэном. Эта же книга заложила основу и стала неким фундаментом неолиберальной школы теории международных отношений. Одним словом, мы с полной уверенностью можем считать термин «мягкая сила» детищем Джозефа Наю.

Это понятие разрабатывалось с 1980-х гг. и стало одной из основополагающих теорий в мировой политике и дипломатии. Итак, Наю разделяет мощь государства на 2 крупных составляющих, жесткую и мягкую силы. Под жесткой силой он понимает совокупность политической, экономической и финансовой мощи государства. Под мягкой силой подразумеваются 3 основных компонента – культура, политическая идеология и внешняя политика.

Согласно Наю, мягкая сила – это желание одного государства увидеть поведение других государств, которое больше всего соответствует его собственным интересам. Однако это не то же самое, что элементарное воздействие или влияние. Мягкая сила – это больше чем просто уговаривать подвигнуть других что-либо сделать при помощи аргументов, хотя все это является важными элементами данной категории. Если жесткая сила или жесткое могущество – это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны, то мягкая сила возникает, когда страна привлекает других своей культурой, политическими идеалами и программами.

Цель нашего исследования – рассмотреть методы мягкой и жесткой силы в мировой политике, в том числе на примере КНР. На сегодняшний день жесткая сила не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а негосударственные группы, такие, как террористические организации, готовы прибегать к насилию. Но мягкая сила приобретает все большее значение для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества. Общей как для мягкой, так и для жесткой силы является способность достичь поставленных целей путем воздействия на поведение других акторов. Но разница между ними заключается в инструментах: проектирование жесткой силы происходит через принуждение и навязывание своей воли (посредством экономического ресурса или угрозы силой), тогда как эффективное действие мягкой силы формируется через механизмы согласования внешнеполитической акции и вовлечение в сотрудничество более широкого характера, базу которого составляют единые ценности, создающие благоприятные условия для его осуществления [7].

Отличительной чертой мягкой силы является ее более заметная независимость от государства

и правительства страны, такой мощью обладающей. Жесткая сила более привязана к государственной политике. Мягкой силой сложнее манипулировать, нежели жесткой. Как правило, эффект от действия мягкой силы, в отличие, к примеру, от экономических санкций или военной акции, оказывается более аморфным, и его труднее планировать.

Неразрывно с понятием «мягкая сила» связана еще одна получившая широкое распространение категория публичной дипломатии. Хотя публичная дипломатия рассматривается как один из основных компонентов мягкой силы или инструмент ее реализации, надо отметить, что это понятие появилось намного раньше. Впервые в научный обиход термин «публичная дипломатия» был введен деканом Флетчерской школы права и дипломатии Э. Гуллионом в 1965 г. Вначале он был представлен в качестве замены понятия пропаганды и претерпел значительную эволюцию и переосмысление [1, с. 19].

Оставаясь одной из дискуссионных и противоречивых категорий, публичная дипломатия в самом широком смысле подразумевает, по словам самого же автора этого термина, инструмент для оказания влияния на восприятие общественностью других государств политики вашей страны, формирование общественного мнения в иностранных государствах [1, с. 19].

Полученные результаты исследования. Таким образом, завершая теоретическую часть статьи, можно констатировать следующее: после распада биполярной системы мира, интенсификации процессов глобализации и усиления взаимозависимости, мягкий подход к реализации внешнеполитических целей государств (как крупных, так и средних, мелких) значительно распространился. Смещение акцентов от жестких к мягким подходам и многократное увеличение удельного веса мягкого подхода было обусловлено еще и тем, что война и силовые методы при реализации внешнеполитических задач потеряли свою актуальность и стали бездивидентными, безрезультатными.

Не осталась в стороне от этих процессов одна из держав мирового масштаба, государство-лидер стран Юго-Восточной Азии – Китайская Народная Республика. Растущий политический и экономический вес Китая как на региональном, так и на глобальном уровнях стал одним из важных событий постбиполярной эпохи, что заставило многих рассматривать Китай как самого яркого кандидата, способного стать глобальной державой. Такое отношение к Китаю было не случайным, особенно если подойти к этому вопросу с точки зрения одного из влиятельных политических аналитиков США Фариды Закарии.

В одной из своих работ, посвященной процессу становления США как мировой державы, Фарид

Закария акцентирует свое внимание на том, как богатые и экономически могущественные страны постепенно становились великими державами. Исходя из этого аспекта, он считает естественным процессом становление США к концу XIX века как богатой самодостаточной страны и ее постепенное превращение в XX веке в великую державу [6, с. 10]. В период холодной войны Китай не смог в полной мере реализовать свой великодержавный потенциал из-за слабого внутреннего развития, так как страна была в тисках коммунистической идеологии. Все это не позволяло КНР сделать прорыв в экономической сфере, чтобы потянуть за собой остальные сферы. Реализация Китая своего потенциала на пути приобретения великодержавного статуса стала возможной после того, как начиная с конца 70-х годов XX века страна под руководством Дэн Сяопина запустила амбициозную программу экономических реформ и модернизации. Как отметил профессор политических наук Блумсбургского университета Пенсильвании Шенг Динг, вышеупомянутые реформы обусловили глубокие экстенсивные изменения в политической, экономической, общественной и культурной жизни Китая [6, с. 1].

Хотя уже в 80-х годах Китай стал одним из ключевых игроков мировой политики, особенно в формате взаимоотношений США-СССР-Китай, никто не мог предположить, что эта страна Юго-Восточной Азии может быть претендентом на приобретение статуса державы глобального масштаба. На фоне событий, имевших место в конце 80-х годов на площади Тяньаньмень, когда тогдашнее руководство Китая приняло решение раздавить под гусеницами танков протестующую толпу студентов, и коллапса коммунистических режимов в Восточной Европе, многие эксперты даже задавались вопросом, сможет ли выжить Китай под давлением глобальных демократических процессов.

Некоторые аналитики с присущей их профессионализму уверенностью утверждали, что Китай под бременем социальных и экономических проблем не сможет осуществить успешный переход от командно-административной к рыночной модели экономики, не говоря уже о приобретении статуса державы глобального масштаба. Однако, начиная с середины 90-х годов, многие представители академических кругов и бизнес-структур стали свидетелями того, как Китай постепенно начал трансформироваться из аграрного государства в бурно развивающуюся страну с рыночной экономикой и тяжелой индустрией.

Иными словами, первые пессимистические прогнозы насчет будущего Китая не оправдали себя, и многие сошлись во мнении, что это восхождение можно окрестить «Китайское чудо». Но в то же время стремительное развитие и усиление

Китая, страны, отличной по образу мышления, по политическим и культурным ценностям, традициям, породило огромное количество предположений и прогнозов относительно дальнейшего развития Китая.

С другой стороны, надо отметить то, что появлению негативного восприятия возвышения этой страны способствовал сам Китай. Непродуманная, даже агрессивная политика КНР в конце 80-х – начале 90-х гг. (имеются в виду события на площади Тяньаньмень и Тайваньский кризис 1995–1996 гг.) усилила это негативное впечатление. Не случайно в этот период на Западе появилась так называемая школа «китайской угрозы» [8]. По мнению Джошуа Курландзика, центральной темой этого понятия было представление о Китае как о державе, которая пойдет по той же проторенной дороге, как некогда Япония и Германия, и может стать серьезной угрозой миру на Земле [4, с. 40].

Многие представители академических кругов, оставаясь в плену основных постулатов школы реализма в теории международных отношений, в экономическом усилении Китая усматривали только лишь негативные аспекты, считая, что возвышение той или иной крупной страны регионального масштаба несет в себе угрозу миру и стабильности международной системы. Иными словами, трансформация какого-либо государства в крупного игрока глобального масштаба ведет к столкновению с интересами других гегемонов и может привести к войне. В более простой схематичной форме это выглядит следующим образом: авторитарный Китай как бурно развивающееся государство становится государством ревизионистского толка, несогласным с американоцентристской системой мира. По мнению профессора Шенг Динга, как это не раз бывало в истории международных отношений, держава, занимающая доминирующее положение, стремясь сохранить статус-кво, предпринимает превентивные меры в виде различного рода санкций и военных операций [6, с. 13].

В русле таких тенденций начали одна за другой выходить статьи, в которых особый акцент ставился на то, какую потенциальную угрозу несет в себе «Китайское чудо». Например, профессор Чикагского университета Дж. Миршаймер в статье «Почему возвышение Китая будет отнюдь не мирным» предположил, что по законам системы, частью которой является Китай, страна пройдет тот путь, который некогда прошла США: вытеснит США из Азии, как когда-то США вытеснили великие державы Европы из западного полушария, сформирует блок слабых государств-соседей (Япония, Россия), как Канада и Мексика у границ США [13].

В противовес таким представлениям, которые излишне демонизировали образ Китая, ученые-

теоретики и политическое руководство этой страны выдвинули совершенно новую концепцию восприятия возвышения Китая. Китайскому руководству надо было доказать мировой общественности, что ее экономический ренессанс не несет в себе никакой угрозы миру и глобальной стабильности. С этой точки зрения переломным моментом можно считать середину 90-х гг. В этот период начали издаваться книги, где обосновываются положительные стороны возвышения Китая и увеличения его глобальной роли. В этот же период появились такие термины, как «жуан шили» и «гунгун вайцзяо», что в переводе с китайского означает «мягкая сила» и «публичная дипломатия». При этом надо отметить, что высшее политическое руководство также стало все чаще оперировать вышеупомянутыми понятиями. Начало 2000-х можно рассматривать как начало практической реализации китайской мягкой силы.

В связи с этим руководство Китая постоянно подчеркивало желание Китая жить в атмосфере стабильности со всеми странами, особенно с соседями по региону, начиная с крупного и динамично развивающегося Вьетнама и заканчивая сравнительно маленьким Лаосом и гигантской Россией. По этому поводу в печатном издании МИД Китая было отмечено: «Стабильный мир, содействующий развитию и расширению сотрудничества, является общим желанием всех народов и представляет собой необратимый исторический процесс» [4, с. 37].

На фоне всего этого китайские ученые-теоретики и официальные лица разработали еще один принцип, обозначающий разновидность мягкого подхода к окружающему мировому сообществу. Этот принцип вошел в дипломатический и политический лексикон как «хепинг жуэги», что в переводе с китайского означает «мирное процветание». Термин впервые был употреблен высокопоставленным чиновником, старшим советником китайского руководства Женг Бисианом и отныне стал частью выступлений китайских лидеров и центральной темой академических исследований [4, с. 37].

Надо отметить, что термин «мирное процветание» был изобретен не на пустом месте. Это произошло после того, как китайское руководство ясно начало понимать, что жесткая сила страны остается сравнительно слабой. Так, например, в середине 90-х гг. Китай сделал попытку применения военной силы, чтобы продемонстрировать свою мощь соседям по региону. С этой целью сначала были отправлены военные корабли к спорным островам в Южно-Китайском море, затем были призывы ко всем странам региона, граничащим с Китаем, отказаться от союзнических договоров с США. Но все эти попытки официального Пекина возымели обратный эффект. Все страны региона осудили агрессивное поведение Китая

и начали усиливать свои связи с США. По словам специалиста по Юго-Восточной Азии Денни Роя, «все это было доказательством того, что у Китая к концу 90-х гг. не было эффективной и систематически продуманной внешней политики в Азии» [4, с. 38]. Таким образом, Пекин постепенно осознал свои ошибки: захват рифов заставил соседей повернуться спиной к Китаю, однако предложение помощи во время финансового кризиса увеличило количество союзников.

Большой интерес представляет стратегия реализации Китаем мягкой силы и публичной дипломатии в разных странах и на разных континентах. Особенно отчетливо это видно на примере Африки и Латинской Америки. Хотя Китай мог пойти по той проторенной дороге, что и бывшие колониальные державы Запада, он выбрал совершенно иной путь формирования глобального влияния. Вместо того, чтобы эксплуатировать людей и грубо обращаться с ними, держа их в порабощении и отказывая им в обеспечении необходимого, Китай подошел к развивающимся странам с новыми взаимовыгодными предложениями.

В обмен на природные ресурсы, в которых Китай остро нуждается в силу своей бурно развивающейся экономики, Пекин предложил развивающимся странам миллионы долларов для инвестирования в инфраструктуру. Такой тип партнерства и сотрудничества коренным образом отличался от западного неоколониального. Так, например, западные страны, добывая миллионы тонн природных ресурсов в Африке, заставляли женское и мужское население выполнять непосильный труд. После того, как издержки по управлению и контролю над бывшими колониями начали значительно превышать прибыль, континент был оставлен в пучине хаоса в виде перманентных социальных, этнических и территориальных проблем.

После ухода европейцев в Африку устремились американские корпорации с целью массовых закупок сырья по бросовым ценам. Бывшие африканские колонии столетиями жили и сосуществовали с метрополиями по вышеописанной простой схеме – деньги в обмен на ресурсы, причем деньги, вырученные от продажи ресурсов, концентрировались в руках определенной политической элиты, узурпировавшей власть. В результате широкие слои населения, не получая даже тысячной доли от ресурсных доходов, как и прежде, жили за чертой бедности. Такое положение дел сохранялось до прихода китайцев на континент.

Конечно же, африканские страны не стали высокоразвитыми, и их население не разбогатело, просто старая схема сотрудничества претерпела изменения, приобретая более эффективные черты. В такой обстановке Госдеп, «мозговые центры» и антикитайски настроенные фракции США

забили тревогу, обратив внимание американцев на то, как Китай стремительно берет в свои руки африканские страны одну за другой. По подсчетам Д. Долара, в период между 2001 и 2003 гг. Китай выделил африканским странам 1 миллион долларов беспроцентных кредитов и еще 6 миллионов – между 2006–2007 гг. [11]. При этом надо отметить тот факт, что кредиты, выделенные Китаем, были потрачены на финансирование инфраструктурных проектов, таких, как строительство аэропортов, жилых комплексов, мостов, железнодорожных путей, линий телекоммуникаций и ГЭС. К концу 2005 г. число проектов в Африке, осуществленных при поддержке Китая, превысило 700.

Векторы китайской мягкой силы направлены не только на страны африканского континента, но также и на Латинскую Америку. Китай – не только один из крупнейших торговых партнеров стран Латинской Америки, но и один из крупнейших инвесторов. Как заметил представитель Чили в ООН Х. Муньоз, написавший книгу «Open Face of Latin America», США больше не являются безоговорочными друзьями латиноамериканских стран, так как Китай усиливает свои позиции в Западном полушарии [3, с. 178].

Одной из основных причин, по которой Китай завоевывает симпатии стран Латинской Америки, является то, что лидеры этих стран пришли к власти на волне популяризации социалистических идей, начиная от Фиделя Кастро и Уго Чавеса и заканчивая Эво Моралесом. Например, США и страны Запада рассматривали их как врагов, основная цель которых заключалась в расшатывании влияния указанных стран в этой точке земного шара. Китай же разговаривает с лидерами этих стран на их языке и относится к ним как к равноправным партнерам, делая огромные инвестиции в экономику.

Таким образом, особенности мягкой силы, нацеленной на развитие взаимоотношений через предоставление помощи другим странам, позволили официально Пекину существенно продвинуть свои стратегические и политические интересы. С одной стороны, вышеуказанное создало условия для бесперебойного обеспечения растущей экономики Китая сырьем, особенно топливом, с другой стороны, заметно усилило дипломатические возможности на глобальном уровне и заложило основу для поддержания проводимой Пекином внешней политики. Как заметил А. Коувел, плодами политики Китая стало то, что страны развивающегося мира стали поддерживать Китай на международном уровне. Так, например, когда Китай попросил своих союзников не посещать церемонию вручения Нобелевской премии мира китайскому диссиденту Лиу Ксиаобо, 19 стран, включая традиционных союзников США, Колумбию и Египет, дали положительный ответ [9].

Надо подчеркнуть то, что мягкая сила Китая реализовывается не только через инвестиции и разного рода финансовые вливания в развитие инфраструктуры других стран, но и путем взаимодействия с иностранной аудиторией. Это и есть другая сторона мягкой силы Китая, иными словами, публичная дипломатия Поднебесной. Деятельность Китая в этом направлении охватывает сферы культуры и образования. Так, например, Китай пригласил к себе и спонсировал учебу тысяч африканских студентов, главной составляющей которой было изучение китайского языка [3, с. 193]. Китай приглашает экспертов из академических кругов различных стран для обмена мнениями с их китайскими коллегами. КНР также открыла сеть институтов Конфуция. Так же, как и институт Гете, Французский Альянс и Институт Сервантеса, Институт Конфуция учрежден в качестве культурного моста между Западом и Востоком.

Принимая во внимание сильное влияние идей и ценностей Конфуция на культурную жизнь Китая, Институт Конфуция изначально был задуман как орган, знакомящий иностранную аудиторию со взглядами великого философа. Позже этот институт был раскритикован западными исследователями, которые называли его инструментом пропаганды официального Пекина, поэтому сегодня функции этого учебного заведения ограничены в основном преподаванием китайского языка [12]. Несмотря на то, что Пекину пришлось урезать функции Института Конфуция и ограничить их преподаванием языка, китайское руководство не пало духом и продолжило деятельность этого учреждения с прежним рвением. Это было не случайно, поскольку правящая элита Китая хорошо осознавала тот факт, что изучение языка иностранцами будет усиливать интерес к самому Китаю, его культуре, традициям и т. д. В связи с этим государственный секретарь Китая Лиу Яндонг на 14-ой конференции Института Конфуция подчеркнул тот факт, что язык как носитель культуры и инструмент коммуникации является мостом межкультурного общения [10]. Продолжая интенсивно внедрять изучение китайского языка иностранцами, КНР спонсировала открытие 316 чеек Института Конфуция и 337 офисов, состоящих при учебных заведениях в 94 странах мира.

Стратегия, направленная на приглашение студентов в Китай из различных стран мира, схожа с той, которую применял Гай Юлий Цезарь при завоевании Галлии. Поскольку в распоряжении Цезаря не было достаточного количества римлян, чтобы управлять обширным регионом, он брал сыновей местных вождей на учебу и воспитание в Рим, вместо того чтобы бросать их за решетку в качестве заложников. Таким образом, Цезарь превращал галлов в римлян, которым можно было доверять, как римлянам, в деле управления Галлией [3, с. 194].

Следует отметить, что публичная дипломатия Китая осуществляется не только через официальные дипломатические каналы. Обычные граждане Китая также являются своего рода послами официального Пекина. Например, в Африке китайские рабочие плечом к плечу работали с африканцами, участвуя в реализации различных инфраструктурных проектов типа возведения мостов и дорог. При этом простые китайцы демонстрировали солидарность с африканцами, а не превосходство. Многие китайские студенты отправились за рубеж получать высшее образование. Например, в ВУЗах США количество китайских студентов, получающих степень кандидата наук, увеличилось в разы. Где бы китайская диаспора ни расселялась, она успешно интегрируется в общественную, политическую и культурную жизнь того или иного государства, становясь частью общества без применения к ним принудительных мер интегрирования. Именно это вдвойне усиливает публичную дипломатию Китая, продвигая его интересы и формируя положительный имидж страны.

Выводы. Итак, мы проанализировали основные аспекты мягкой силы и публичной дипломатии Китая, начиная от периода ее зарождения до практического применения. Существует немало ученых экспертов, которые подчеркивают в своих исследованиях желание Пекина добиваться своих целей исключительно мирными средствами. В качестве примера приводятся трактаты Сунь Цзы, философские установки Конфуция и Лао Цзы и весь исторический путь развития Поднебесной, где почти нет места агрессивному стремлению установить глобальный китаецентричный мир или силовым методам изменения сложившегося статус-кво (конечно, за исключением некоторых фрагментов, ибо едва ли найдется страна, чей исторический путь становления прошел бы гладко и был усеян цветами). Надо отдать должное политической элите Китая, которая, стоя у руля государственного управления, смогла, как это делают искусные капитаны кораблей, вывести страну из эпицентра шторма и поставить её на рельсы устойчивого развития.

Благодаря успешно проведенным реформам, удалось трансформировать страну из аграрной в индустриально развитую и получить почетное определение «мастерской мира». Экономический бум, охвативший весь Китай, оказал огромное влияние на все сферы деятельности, в особенности на внешнюю политику. Надо отметить, что двигателем мягкой силы Китая на 90% является его экономическая мощь, так как эта сфера деятельности требует немалых средств для практической реализации.

Сегодня Пекин является крупным кредитором для многих стран, помогает им преодолеть экономические и социальные проблемы, инвестирует

значительные средства в реализацию инфраструктурных проектов. Все это дает возможность обрести новых союзников в лице развивающихся стран. Путем публичной дипломатии, взаимодействуя с иностранной публикой, Китай постепенно преодолевает проблемы с соседями по региону, с которыми не раз приходилось сталкиваться по целому ряду вопросов, особенно территориальных.

Все это является положительной стороной и преимуществом китайской мягкой силы. Но есть и недостатки, которые видны невооруженным глазом. Мир политики – это мир, где нет места иллюзиям. Есть реалии, которые невозможно игнорировать. Представьте себе, что мягкая сила и публичная дипломатия – это некий металлический сплав, который, чтобы отвечать стандартам и быть прочным, должен состоять из двух важных элементов. Если один элемент отсутствует или его количество недостаточно, то металл может прогнуться, или же срок эксплуатации изделия будет существенно короче. То же самое относится к мягкой силе и публичной дипломатии. Они состоят из двух важных элементов – финансово-экономическое развитие, дающее возможность их осуществлять, и культурные, политические и иного рода ценности. В этом отношении слабым звеном мягкой силы Китая является второе. Одними только инвестициями и финансовыми подачками Пекину навряд ли удастся достичь максимума поставленных целей. Его ценности не так привлекательны для населения соседних государств, особенно молодых. Это достаточно широкая тема, для освещения которой требуется другая статья. Но это не означает, что Пекин в этом отношении обречен на провал. Учитывая способность Поднебесной учиться всему хорошему и эффективному у других, есть большая вероятность, что Китаю удастся сделать свои ценности более привлекательными для мировой публики. Как гласит житейская мудрость, всему свое время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кривохиж С. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики : становление и развитие : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / С. Кривохиж. – Санкт-Петербург : 2014. – 165 с.
2. Brautigam D. The dragon's gift. The Real story of China in Africa / D. Brautigam. – New York, 2010. – 416 p.
3. Lee A. What The US can learn from China / A. Lee. – San Francisco, 2012. – 288 p.
4. Kurlantzick J. Charm Offensive. How China's Soft Power is transforming The World / J. Kurlantzick. – Yale University, 2007. – 306 p.
5. Sheng D. The Dragon's Hidden Wings : How China rises with its Soft Power / D. Sheng. – Plymouth Uk Lexington Books, 2008. – 210 p.
6. Sheng D. Soft Power and The rise of China / D. Sheng. – Newark, New Jersey, May 2006. – 269 p.

7. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/>.
8. Кривохиж С. Публичная дипломатия Китая: защита или нападение? / С. Кривохиж [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://naukarus.com>.
9. Cowell A. 19 countries to skip Nobel Ceremony, while China offers it's own prize / A. Cowell // New York Times. – December 7, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nytimes.com>.
10. Dauson K. Confucius Institutes enhance China's international image / K. Dauson // China daily. – April 23, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.chinadaily.com>.
11. Dollar D. Supply meets demand: Chinese infrastructure financing in Africa / D. Dollar // World Bank. – October 7, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://blogs.worldbank.org/>.
12. Marklein M. A culture clash over Confucius Institutes / M. Marklein // USA today. – December 7, 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://usatoday30.usatoday.com/>.
13. Mersheimer J. The rise of China will not be peaceful at all / J. Mersheimer // The Australian. – November 18, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mearsheimer.uchicago.edu/>.
14. Sheng D. Chinese Soft Power and public Diplomacy. An analysis of China's New diaspora engagement policies in The Xiera / D. Sheng // Bloomsburg University. Pennsylvania. 2014. – 26 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.eai.or.kr/data/bbs/eng_report/.